

СОЦИЕТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КАСПИЙСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ

М. С. Топчиев

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Поступила в редакцию 14 ноября 2024 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме общественной безопасности России, определению ее угроз в Каспийском макрорегионе как особом социокультурном пространстве. Методология исследования строится на сочетании социально-философского, социального и социокультурного подходов. В результате исследования получены выводы о социокультурном аспекте общественной безопасности России в Каспийском макрорегионе и определены ее основные социокультурные угрозы.

Ключевые слова: общественная безопасность, Россия, Каспийский макрорегион, социокультурные угрозы, русский язык, политика памяти, «прозападная» трансформация образования, национальная идентичность.

Abstract: the article is devoted to the problem of Russia's societal security, the definition of its threats in the Caspian macroregion as a special socio-cultural space. The research methodology is based on a combination of socio-philosophical, societal and socio-cultural approaches. As a result of the study, conclusions were drawn about the socio-cultural aspect of Russia's societal security in the Caspian macroregion and its main socio-cultural threats were identified.

Key words: societal security, Russia, the Caspian macroregion, sociocultural threats, the Russian language, the politics of memory, the «pro-Western» transformation of education, national identity.

Социокультурный аспект общественной безопасности России в Каспийском макрорегионе

Комплексность проблемы безопасности нашей страны в современном кризисном, турбулентном мире раскрывается в многосложности ее угроз и потенциалов (ресурсов, механизмов) ее обеспечения. В последние 30 лет становится всё более очевидным, что угрозы безопасности России нельзя сводить только к военным, геополитическим, социально-экономическим факторам. Социокультурная сфера, феномены которой наиболее приближены к ментальности, сознанию, мышлению человека, играет всё большую роль и часто становится «объектом» внешних и внутренних угроз. Известный философ А. П. Романова очень точно определяет культурную безопасность «как процесс, осуществляющий не только поддержку безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, размывания культурной идентичности, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания, культурной идентичности, а на

современном этапе – и культурного суверенитета» [1, с. 149–150]. Более того, современная социокультурная динамика непосредственно связана с трендами политического и социально-экономического развития, что делает ее особенно важной.

Гармоничное, согласованное существование в обществе представителей разных социальных групп (этнических, конфессиональных, профессиональных, общественно-экономических, социально-экономических и др.) возможно лишь при наличии у них неких объединяющих принципов, ценностей, зафиксированных в идентичности и отраженных в социокультурном пространстве страны, региона или макрорегиона. Данные культурно-онтологические основания обеспечения бесконфликтности и безопасности характерны как для страны в целом, так и для ее макрорегиональной включенности в социокультурные пространства иных стран. Как мы уже описывали выше, Каспийский макрорегион имеет уникальную социокультурную специфичность, обусловленную сложной историей, многонациональным, конфессиональным разнообразием, что определяет «объективную хрупкость» гармоничного социокультурного развития и взаимодействия Каспийских стран. На наш взгляд, фактически основной социокультурной угрозой общественной безопасности Каспийского макрорегиона являются внешние и внутренние деструктив-

ные процессы, направленные на разрушение консолидирующего потенциала национальных культур Каспийских стран и социокультурного пространства макрорегиона. К сожалению, страны Запада не останавливают попыток нарушить процессы социокультурной интеграции в Каспийском макрорегионе, в том числе за счет девальвации роли России. В частности, в 2023 г. Парламентом Великобритании был опубликован доклад, отражающий общий взгляд стран Запада на взаимодействие с Каспийскими странами, «Страны на перепутье: участие Великобритании в Центральной Азии», суть которого заключается в том, что «поскольку Россия и Китай стали действовать в Центральной Азии более активно, необходимо предпринять усилия, чтобы помешать этому» [2]. Важно отметить, что данные деструктивные установки стран Запада характерны для их «культурной политики» на всём постсоветском пространстве и являются социокультурными угрозами социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе.

Для внесения концептуальной ясности полагаем необходимым последовательно рассмотреть сопряженность динамики ключевых социокультурных феноменов с угрозами социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе.

Социокультурные угрозы социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе

Проведенный нами социально-философский анализ показывает, что комплекс социокультурных угроз социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе весьма широк. Фактически, речь идет о деинтеграционных процессах в социокультурном пространстве макрорегиона и входящих в него Каспийских стран. Данная деинтеграция имеет внутренние и внешние факторы, но все они сопрягаются в динамике основных социокультурных феноменов: русского языка, социальной (исторической) памяти, образования как духовного феномена и социального института, национальной идентичности.

Во-первых следует рассмотреть социокультурное значение русского языка как уникального феномена и средства коммуникации, обеспечивающего интеграционность Каспийского макрорегиона. Русский язык является не только средством коммуникации, но и важным механизмом формирования и трансляции национальной идентичности России. Президент РФ В. В. Путин весьма точно отметил: «При всём уникальном этнокультурном, религиозном разнообразии нашей страны именно русский язык во многом определяет нашу духовную и национальную идентичность. Из этого, полагаю, и следует исходить, формируя программы общего образования по таким учеб-

ным предметам, как русский язык и язык народа, государственный язык республики Российской Федерации» [3]. Как известно, на протяжении 300 лет Российская Империя, СССР, Российская Федерация последовательно выстраивали взаимодействие с народами и государствами Каспийского макрорегиона. В Советский период русский язык был основным государственным языком для Азербайджана, Казахстана, Туркменистана. После распада СССР значение русского языка в мире стало падать, во многом посредством усилий стран Запада: «Проводятся информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России. Ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов» [4]. Данный международный контекст повлиял и на Каспийский макрорегион: стали формироваться собственные политики языка, направленные на популяризацию азербайджанского, казахского, туркменского языков, перевод на них образовательного процесса и социальных коммуникаций.

Признавая объективность процессов суверенизации Каспийских стран, следует отметить и деструктивные тенденции «замещения» русского языка, вплоть до уменьшения прав русскоговорящих граждан. Наиболее «ярким примером» выступают языковые патрули в Казахстане: «Данные события получили огласку в различных СМИ в начале 2021 г., когда костанайским активистом Куатом Ахметовым было начато «патрулирование» городских улиц, которое вдохновило некоторых казахов, требующих, чтобы их обслуживали люди, говорящие на их родном языке. Ахметов публикует в сети Интернет видеоролики, на которых он и его помощники заходят в магазины или правительственные здания в поисках вывесок на русском языке. Затем на видео они задают работникам вопросы о том, почему вывески написаны не на казахском языке. Видеоролики появлялись на его YouTube-канале «Тил майдани» («Языковое поле битвы»), который в данный момент заблокирован» [5, с. 118]. Если вспомнить теорию лингвистической относительности (Э. Сепир и Б. Ли Уорф), согласно которой люди, говорящие на разных языках, фактически, когнитивно живут в разных мирах, ибо структуры языка детерминируют когнитивные процессы [6], то становится крайне тревожно... Поколение молодых людей в Казахстане, Азербайджане и Туркменистане всё чаще говорит на национальных языках, а в качестве иностранного языка выбирают английский язык, а не русский, что представляет значимую угрозу девальвации роли русского языка как интеграционной силы в социокультурном пространстве Каспийского макрорегиона и снижение социокультурного влияния России.

Во-вторых, большое значение играет политика памяти (социальной, исторической) в Казахстане, Азербайджане и Туркменистане. Политика памяти или даже «игры с памятью» сегодня стали значимыми геополитическими инструментами для деформации одного типа национальной идентичности и формирования нового типа национальной идентичности. США и страны Европейского союза активно продвигают в постсоветских странах нарратив о трагичной истории СССР и Российской Империи, которые якобы колонизировали Азербайджан, Туркменистан, Казахстан, при этом позитивные моменты «общей истории», включая даже совместную победу народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., пытаются деаксиологизировать, выставляя СССР в качестве инициатора этой войны. В стратегии национальной безопасности РФ отмечается: «Всё более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства. На фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов» [4]. Продвижение данных идей финансируется западными спецслужбами, Фондами Д. Сороса и другими антироссийскими организациями. СМИ, социальные сети и даже учреждения образования активно реализуют данную повестку. Например, «в рамках новой политики памяти Казахстана центральными темами являются проблемы деколонизации, избавления от российского влияния и, соответственно, переструктуризация исторического прошлого. В центре всеобщего внимания оказываются тезисы, подтверждающие идеологему колонизации Казахстана Россией, события, которые из состояния травмы переходят в стадию квазитравмы. Так, наряду с политическими репрессиями голод, который реально свирепствовал на большинстве территорий СССР в 1931–1933 гг., в Казахстане, по примеру Украины, обозначается как голодомор, способ политического давления и геноцид. Параллельно воссоздаются мотивы дороссийской, преимущественно позитивной, героической, истории. Воскрешаются и деяния великих предков, древних народов, живших в Азиатском регионе (саков, гуннов, тюрков, кыпчаков) с их архетипическими персоналиями – воинами, полководцами, батырами (Атила, Бильге, Кутлык, Кюль-тегин, Тоньюкок, батыр Канжыгалы Богенбай, Каракерей Кабанбай и т. д.), населяющими теперь страницы школьных учебников» [5, с. 117]. Данный тренд в меньшей степени наблюдается в Азербайджане и Туркменистане.

Третьим, значимым социокультурным феноменом, сопряженным с угрозами социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе, на наш взгляд, является образование, точнее его прозападная антироссийская трансформация, что подтверждается результатами исследования Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) под руководством заведующего отделом Ближнего и постсоветского Востока В. Аваткова: «В основном в учебниках стран постсоветского пространства Россия представлена как колониальное государство, которое угнетало народы на присоединенных территориях, что нанесло урон их культуре ... зачастую намного меньшее внимание уделяется тому, какой вклад Россия внесла в развитие этих стран... продвижение в учебниках истории ложных и искаженных событий формирует негатив по отношению к России, а в будущем может стать базой для развития ксенофобии и русофобии» [7]. Внедрение в Азербайджане, Казахстане, Туркменистане западных программ и идеалов образования с целью их отрыва от образовательного пространства России, воспитания молодежи, идентифицирующей себя с западными ценностями, угрожает процессам интеграции социокультурного пространства Каспийского макрорегиона. При этом мы не считаем необходимым, чтобы каспийские страны оборвали все образовательные и научные связи с Западом, но должна быть выстроена модель образования, учитывающая как общемировые тренды, так и национальные (макрорегиональные) интересы [8].

В качестве четвертого важнейшего социокультурного феномена, сопряженного с угрозами социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе, следует указать национальную идентичность Каспийских стран. Безусловно, по степени значимости, национальная идентичность является самым определяющим феноменом, поскольку носит интеграционный, цивилизационный характер, базируется на языке, социальной и исторической памяти, формируется во многом в рамках института образования. Национальная идентичность выступает катализатором социокультурного развития человека и общества, потому ее кризис, конфликты с другими типами национальной идентичности несут существенные угрозы социетальной безопасности всех Каспийских стран и России в частности. Очевидно, что на современном этапе говорить о единой каспийской макрорегиональной идентичности еще рано, но вопрос о гармоничном соотношении национальных идентичностей России, Ирана, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана стоит очень остро. Это обусловлено как историческими причинами (территории Азербайджана, Казахстана, Туркменистана являлись регионами Российской Империи и республиками

СССР), так и современной геополитикой и внутренней политической повесткой Каспийских стран. В условиях распада глобального цивилизационного проекта и формирования многополярного мира [9] Каспийский макрорегион испытывает на себе огромное давление США, ЕС, Турции и Китая. Это давление направлено на формирование определенных векторов национальных идентичностей Каспийских стран. В значительной степени данные международные стратегии имеют антироссийскую повестку: Турция пытается продвигать проект этномира «Великого Турана», США, Великобритания и Франция – проект «Глобалистского» этномира, усугубляют межэтнические конфликты, например Армяно-Карабахский конфликт и мн. др. Очевидна их цель – снижение влияния России в Каспийском регионе, в том числе за счет прозападной направленности национальных идентичностей Казахстана, Азербайджана и даже Туркменистана (несмотря на его явный религиозный и политический традиционализм).

Одним из основных социокультурных механизмов формирования антироссийских национальных идентичностей является «отрицательная идентичность», когда новые национальные идентичности постсоветских стран строятся по принципу отрицания идентификационных связей с Россией, осознанием всего российского как «Иного», затем «Чужого», а в итоге как «Враждебного». Именно этот социокультурный механизм США, Великобритания и ЕС успешно для себя реализовали на Украине с 1990 г., и не оставляет попыток его реализовать в Каспийских странах.

В этих условиях Россия и Иран оказались на «острие борьбы» со странами Запада, поскольку разделены не только геополитическими и социально-экономическими причинами, но и являются носителями разных типов культур, разных образов будущего. Своеобразным символом деструктивности современной западной культуры стала церемония открытия Олимпийских игр в Париже в 2024 г. Население значительной части мира было шокировано целенаправленным глумлением, десакрализацией христианских религиозных символов, сюжетов и аксиологизацией мотивов сатанизма. Характерно, что Американская церковь сатаны (факт официального существования подобной организации тоже вызывает вопросы...) поблагодарила организаторов Олимпиады в Париже: «Первосвященник назвал демоническую вакханалию “торжеством "свободы"” над Богом» [10]. В этом контексте российские и иранские модели развития как «государств-цивилизаций» вступают в глубокий конфликт с «культурой» стран Запада.

Национальные идентичности России и Ирана базируются на традиционных и религиозных ценно-

стях, обеспечивающих фундаментальность их цивилизаций, политическую и культурную суверенность, которую Президент РФ В. В. Путин определяет как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11]. Данный цивилизационный подход Ирана и России особенно раздражает страны НАТО, так как противостоит их проектам глобального доминирования, именно поэтому конфликты национальных идентичностей Каспийских стран, а также внутренние конфликты на уровнях национальной, этнической, религиозной идентичности являются задачей западных спецслужб и прозападных сил в России, Иране, Азербайджане, Казахстане, Туркменистане. Всё это, несомненно, несет существенные угрозы социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе.

Таким образом, социокультурные угрозы социетальной безопасности России в Каспийском макрорегионе представлены на двух уровнях: внешнем (международном) и внутреннем – и направлены на дезинтеграционные процессы в Каспийском макрорегионе. Данные социокультурные угрозы заключаются: в девальвации роли русского языка, антироссийской политике памяти (социальной, исторической), прозападной трансформации институтов образования, а также конфликтах идентичностей (национальных, этнических, религиозных).

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова А. П. Культурная безопасность и культурный суверенитет // Идентичность : личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир, 2023. С. 146–153.
2. Countries at crossroads : UK engagement in Central Asia. Tenth Report of Session 2022–23. House of Commons Foreign Affairs Committee. Published on 10 November 2023 by authority of the House of Commons. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5803/cmselect/cmfaff/1158/report.html>
3. Русский язык определяет духовную и национальную идентичность, заявил Путин (05.11.2024). URL: <https://ria.ru/20241105/putin-1981965517.html?in=>
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046>
5. Храпов С. А., Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Кривенко А. И. Новые маркеры национальной идентичности Республики Казахстан : формирование антирос-

сийских настроений в социальных медиа // Вестник Перм. ун-та. Серия: Политология. 2024. № 2. С. 111–125.

6. Уорф Ли Б. Язык, мышление, действительность. М. : Альма-Матер, 2024. 334 с.

7. Ученые РАН описали «негативные образы» России в учебниках стран СНГ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2024/66f6b2a29a7947cb6d3b8e26?ysclid=m2gh5d7jes400178205>

8. Крюкова С. Е., Меликов И. М., Храпов С. А. Глобализация высшего образования : социокультурный аспект // Logos et Praxis. 2018. № 1. С. 40–48.

9. Мчедлова М. М. Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе // Идентичность : личность,

общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И. С. Семененко. М. : Весь Мир, 2023. С. 165–174.

10. Американская церковь Сатаны поблагодарила организаторов Олимпиады за церемонию «открытия». URL: <https://news-pravda.com/world/2024/08/01/668360.html>

11. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 : Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35. URL: <https://base.garant.ru/70828330/?ysclid=m2gk0hguxb693517216>

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Топчиев М. С., кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра изучения проблем комплексной безопасности Каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, доцент кафедры философии, культурологии и социологии

E-mail: ceo.gfn@gmail.com

*Astrakhan State University named after V. N. Tatishcheva
Topchiev M. S., Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Head of the Center for the Study of Integrated Security Problems of the Caspian Macroeconomy and Countering Terrorism and Extremism, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology*

E-mail: ceo.gfn@gmail.com